

Ермоленко О.В.

РОМАНИСТИКА ГОРА ВИДАЛА И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ.

Любые исторические события современности рано или поздно нуждаются в адекватной оценке и истолковании. Ситуационно-историческое сознание общества конца XX столетия и начала нового тысячелетия более или менее объективно может быть оценено только потомками, ибо считается, что люди никогда не бывают так тенденциозны и субъективны, как при оценке самих себя.

Люди же прошедших эпох благодаря особому рода общественной практике – мемориальной – продолжают общаться с нами через своё наследие. Современное поколение находится во власти оставленных ими заветов, и каждое новое поколение стоит перед задачей осмысления этих заветов, ибо высказывания и поступки людей прошедших эпох почти всегда содержат в себе ответ не только на уникальные социально-практические вопросы, но и на повторяющуюся структурность общественных ситуаций. Стагнация, кризис, декаданс; реформа, реформация, революция – события, поддающиеся типологизации. При этом, правда, необходимо сделать следующую важную оговорку, считает известный современный отечественный философ Э.Ю. Соловьев: “Прагматические ситуации как таковые необобщаемы; типизации поддаются только ситуации морального решения”ⁱ. Можно сказать поэтому, что типологическая общность переживаемых ситуаций сближает людей как тождественно-преемственных моральных субъектов, пусть даже они жили, мыслили и действовали в совершенно разные, экономически и социально непроницаемые друг для друга периоды мировой истории. В каком-то смысле эта общность превращает их в “вечных современников” и делает возможным удивительный феномен, когда представитель более раннего, а потому, естественно, и более наивного периода общественного развития “наставляет” позднейшего исторического деятеля.

Разумеется, прошлое предлагает свою мудрость благодаря активной исследовательской работе современников, усматривающих смысловое подобие исторических ситуаций, и ставит современные проблемы в свете соответствующего наследия. И все-таки это – свет из прошлого: благодаря усилению историка это подобие начинает “толковать нашу жизнь”.ⁱⁱ

Это интерпретирующее вторжение прошлого может играть исключительную роль в условиях, когда общество перестает понимать, что оно находится в форме, далекой от завершения негарантированной и драматичной истории. Здесь уместно сказать, что именно литераторы зачастую становятся летописцами истории, “историками идей”ⁱⁱⁱ, чей интерес к прошлому и стремление к сопоставлению времен не иссякали никогда.

В русле обновления исторического сознания и развивалась американская литература последнего периода. В ней доминируют новые подходы к истории, переросшей в исторический миф, пересмотр мифологии, обнаружение реальных исторических противоречий демократии от самых ее истоков, несоответствия между реальностью и ее предвосхищенным и задуманным обликом, приведших США к кризису в 60-е годы, когда нацию сотрясали социальные катаклизмы. При этом проблемы общественного сознания становятся предметом художественного видения: в этом плане наиболее показательной явилась историческая романистика современного американского прозаика, мастера историко-политического романа Гора Видала (Gore Vidal), следовавшего скорее тенденции демифологизации американской истории, чем концепции культивирования традиционно сложившихся версий.

Среди исторических произведений Гора Видала одними из наиболее значительных являются “Юлиан” (Julian, 1964) и “Сотворение мира” (Creation, 1981). Роман “Юлиан” рассказывает о судьбе римского императора IV века н.э. Юлиана Отступника и сочетает в себе черты романа воспитания и политического романа. Это произведение, по мнению американского критика Р. Кирнана, было задумано как “продолжение” двух крупнейших историко-политических “римских” романов XX века – “Я, Клавдий” Р. Грейвза и “Мартовские иды” Т. Уайлдера. История Юлиана Отступника интересует писателя как пример деятельности умного, просвещенного, интеллигентного и либерального политика, правившего с 361 по 363 год. Имя “Отступник” Юлиан получил из-за предпринятой им отчаянной попытки возродить умирающую языческую религию; его личность привлекала писательский интерес на протяжении многих веков, начиная с сочинений Аммиана Марцеллина, современника Юлиана, и заканчивая родоначальником русского символизма Д.С. Мережковским. О Юлиане писали то как о роковом злодее и заклятом враге христианства (такова средневековая литературная традиция), то как о “первом свободном мыслителе” (в просветительской литературе), то как о своего рода Дон Кихоте, “романтике на троне цезарей”, защитнике заведомо обреченного дела (в романтической традиции XIX века).

Гор Видал представляет читателю Юлиана как философа-стоика, чрезвычайно образованного и мудрого гуманиста, милосердного правителя. Отсутствие страсти к деньгам также характеризует Юлиана как неординарную царствующую особу: “он так мало значения придавал деньгам, что был полным профаном в финансовых вопросах и не знал истинной цены ничему”.^{iv} Юлиан и после смерти вызывал восхищение, т.к. “он был молод и красив – самый удачливый полководец нашего века,”^v – так отзывался о Юлиане Отступнике его придворный философ Приск. Свой роман Гор Видал построил в форме переписки Либания, являвшегося учителем Юлиана и истинным философом, готовым за свою веру пойти на смерть, и Приска, решившего опубликовать посмертно неоконченные записки своего возлюбленного друга и ученика, императора Юлиана, и восстановить тем самым его доброе имя и даровать ему новую, на этот раз вечную жизнь. Жизнь Юлиана – это постоянная борьба противоположных друг другу начал. Язычество олицетворяло собой умирающую античность, которая заключала в себе гармонию, красоту, светлую радость бытия, любовь к жизни. В христианстве Юлиан видит своего врага, убившего его отца и брата. Юлиан Отступник всей душой тянется к эллинизму, своё обращение в христианскую веру воспринимает как насилие над собой, а собственное смирение и аскетизм – как вынужденную маску. Противостояние двух прав оборачивается в

итоге трагедией, а неоднозначность каждого из элементов делает заведомо неудовлетворительным любой выбор между ними.

Исторический роман Г. Видала построен на многочисленных документальных свидетельствах. По мнению самого автора, та эпоха во многом определила и нашу современность. Он видит в Юлиане воплощенный идеал политического деятеля, наделенного терпимостью, пытливым умом и отлично сознающего, насколько абсурдное зрелище представляет собой всё человечество, включая и его самого. Вероятно, не случайно видаловский Юлиан в некоторых отношениях напоминает Джона Кеннеди, которого автор считает “идеальным лидером”. Так оценивал роман еженедельник “Тайм”.^{vi}

Роман “Сотворение мира” был признан одним из лучших произведений Гора Видала. События этого романа развиваются в V в. до н.э. Построенный в форме воспоминаний вымышленного героя, персидского посла в Афинах, он последовательно переносит читателя из Греции в Персию, Месопотамию, Индию, Китай и высвечивает исторические события того времени, включая греко-персидскую войну, а также научные и философско-религиозные взгляды разных народов Древнего мира. Роман “Сотворение мира” представляет собой беллетризованную энциклопедию древней философии. Здесь трактуются основные положения зороастризма, буддизма, конфуцианства, древнеегипетской философии и античного атомизма.

Наибольшую известность и популярность у читателей завоевали историко-политические романы Гора Видала, составившие “американскую трилогию”, – “Вашингтон, округ Колумбия” (Washington, D. C, 1967), “Вице-президент Бэрр” (Burr, 1973), “1876” (1976), а также романы “Линкольн” (Lincoln, 1984), “Империя” (Empire, 1987), которые охватывают жизнь Америки с 30-х годов XIX века до середины XX века. Показательным является то, что в период написания Видалом этих романов интерес к исторической проблематике в литературных кругах Америки значительно возрос. Тенденция развенчания прошлого отражала общие изменения в общественном сознании, где формировалась новая концепция мира и истории. Для сравнительно молодой американской нации, озабоченной борьбой за благополучную жизнь в настоящем и предвкушающей своё великое будущее, прошлое было достаточно близким, понятным и еще не размытым временем. Но по мере удлинения пройденного пути, оказавшегося не столь прямым и гладким, стали возникать сомнения в правильности выбранного направления. Некоторые политики и историки (“новые левые”) призывали к низвержению всех авторитетов, идеологических установок, моральных норм, другие же – “неоконсерваторы” – убеждали в необходимости сохранения главных принципов “американизма”, незыблемых основ образа жизни американского общества. Для одних в историческом прошлом заложен источник современных пороков, для других – надежная опора и залог общественного прогресса. Таким образом, наметились две противоположные тенденции: культивирование традиционно сложившихся версий американской истории и её демифологизация.

Гор Видал в своём творчестве следует принципам “развенчания” американской истории, он беспощаден к политической элите и истории США в целом.

В романе “Вашингтон, округ Колумбия” писатель представляет вашингтонскую политическую элиту эпохи маккартизма, когда Америка вступает в новый период своего развития и на смену старому приходит новое поколение политических деятелей. Основной сюжет романа завязывается вокруг политической интриги, ведущей к краху карьеры сенатора Бэрдена Дэя и возвышению его беспринципного и бездарного помощника Клея Овербери. Являясь одним из главных героев романа, молодой адвокат Клей Овербери воплощает в себе худшие черты деятеля нового образца – продажность, лицемерие, бесчеловечность, беспринципность, эгоизм. Клей, тем не менее, сохраняет на публике фальшивый имидж обаятельного парня, хорошего семьянина и правой руки Бэрдена Дэя и, благодаря этому, – всеобщего любимца. Гор Видал представляет читателю молодого конгрессмена, работающего на эффект и мечтающего о президентстве, чей политический багаж, однако, практически ничего не весит. Честолюбие Клея не позволяет ему выступать на вторых ролях, и его очередной этап возвышения происходит даже в момент погребения собственной жены Инид. “Ни одна женщина не стоит того, чтобы ради неё пожертвовать голосами избирателей, а тем более карьерой”^{vii}, – считал даже Бэрден, человек старой закалки, являющийся антиподом Клея. “Бэрден хотел одарить всех отверженных чувством собственного достоинства, в этом, по его мнению, состояла особая миссия Америки в мире. Но Клей в роде человеческом никогда не видел достоинства, и Соединенные Штаты, по его мнению, были не чем иным, как ещё одной державой: пришла её пора стать империей, и в ней он хотел обладать властью для себя самого”^{viii}.

Клей и Бэрден принадлежат к разным эпохам. Клей соответствует среде, где “кто-нибудь ещё хотел бы притворяться, что его волнует проблема добра и зла. Сегодня люди не знают иного мотива, кроме выгоды, не признают иного критерия, кроме успеха, иного бога, кроме честолюбия”.^{ix} Хотя Бэрден отчасти и волнуют нравственные проблемы добра и зла, он под давлением обстоятельств принимает взятку и платит за потерю чести жизнью. Конец его жизненного пути – естественное предательство Клея, провал на выборах, самоубийство. Мир, созданный воображением Бэрдена, где фетиши заслоняют неприглядную суть, фальшив и иллюзорен. В образе Бэрдена, которому важнее “казаться”, а не “быть”, проявляется драматическое раздвоение национального сознания. Гуманистические принципы американской демократии по-прежнему признаются нормой, но все очевиднее их превращение в свод абстрактных понятий и образов, потерявших контакт с исторической практикой.

Американская политическая жизнь, а именно эта часть многообразного исторического бытия является ведущей, и сравнивается Видалом с проституцией. Как следует из романа, политика – грязное дело, независимо от убеждений тех, кто к ней причащен, и не имеет ничего общего с нравственной чистоплотностью. Продажными в итоге оказываются все герои романа, жизнь которых теснейшим образом связана с политикой, где наименьшим злом было безучастие и равнодушие. “Я никто. Таково мое назначение. Быть никем. И я намерен впредь молчаливо занимать эту позицию”.^x

Таково жизненное кредо Питера, самого симпатичного героя романа. Его отец Сэнфорд Блэз был также “матерым тигром и собратом по хищничеству”, ибо политика – это игра, попросту говоря, война. И не существует иной альтернативы, как стать жестоким хищником на войне в джунглях, – войне, которой суждено продолжаться до окончания рода человеческого.

Гор Видал в своем романе не без малой доли иронии и горечи говорит о возвышении новоявленной империи, где власть стала самоцелью, а сила оружия и лукавые маневрирования президента “четырех свобод” превратили изоляционистскую республику в то, чему явно суждено стать последней империей на Земле. Первопоселенцы в Новой Англии ставили перед собой задачу воздвигнуть “град на холме”, образец праведного существования и справедливого государства. Но в XX веке разрыв между идеалами, на которых основывалась американская демократия, и реальной жизнью США был уже слишком очевиден.

В романе “Бэрр” конкретизировалась и углубилась критическая оценка демократических идеалов и героями стали реальные исторические личности – Томас Джефферсон, Александр Гамильтон, Аарон Бэрр, а в основу был положен исторический факт.

Фигура Аарона Бэрра не случайно привлекла Г. Видала. В истории США вице-президент Бэрр известен как “человек, который убил Гамильтона”, лидера партии федералистов, стремившихся к установлению в США конституционной монархии по английскому образцу. Ссора между ними привела к самой знаменитой в американской истории дуэли, в результате которой Александр Гамильтон был убит, а Бэрр вынужден был бежать из Нью-Йорка. Устойчивый интерес к образу Бэрра у американских писателей обозначил три его лика: предателя-заговорщика, коварного соблазнителя женщин и несправедливо оклеветанной жертвы. “Для нашей культуры Бэрр стал символом организатора предательских заговоров, искусителя женщин, жертвой самых ужасных преследований. В нем драматическим образом воплотились глубочайшие опасения, которые вызывает американское общество”.^{xi} Жизнь полковника Бэрра прослежена в романе Г. Видала от его участия в американской революции до смерти в возрасте 80 лет, причем преобладает сочувственное отношение к главному герою как жертве клеветы и общественной несправедливости. Бэрр показан мужественным участником войны за независимость, а позднее – талантливым адвокатом и умелым педагогом, честолюбивым человеком, “полным блеска и обаяния”, авантюристом, сравнимым с дьяволом, одержимым постоянным стремлением покорять, строить, заселять, лелеющим грандиозные планы создания мексиканской империи, бодрым, энергичным и неунывающим даже на склоне лет. Роман построен в форме мемуаров Бэрра, которыми он делится со своим секретарем и внебрачным сыном Чарльзом Скайлером (это – вымышленный персонаж) с целью “рассказать подлинную историю Революции, пока не поздно, хотя, наверное, уже поздно; ведь легенды тех дней уже отлиты в типографском свинце, если можно судить по школьным учебникам”.^{xii} Здесь явно усматривается особый взгляд Г. Видала на исторические события, и подтверждение этому – слова одного из героев предыдущего романа Питера: “История – это сплетня. Вся хитрость в том, чтобы определить, какая именно сплетня – история”.^{xiii}

Без особого уважения говорится в романе о Декларации независимости, о Конституции, о самой Войне за независимость, возглавляемой бездарными, тщеславными полководцами, о создателях “Билля о правах”. Армия в описании Видала – это “воры, головорезы, одичавшие лесные бродяги, убийцы, негры, сбежавшие от своих хозяев на юге, европейские авантюристы, сброд, а не солдаты”.^{xiv} Главное, в чем упрекает писатель отцов-основателей – лицемерие, несовпадение идей и поступков, приведшее к созданию несправедливого и недемократичного по своей сути государства-империи.

Правда, Аарон Бэрр предстает перед читателями человеком чести, отказавшимся перехватить у Джефферсона пост президента США в 1800 году, поскольку, согласно его нравственному кодексу, “в политике, так же как в жизни, человек должен делать то, что он обещал”. Когда он и Джефферсон получили одинаковое число голосов в Южной Каролине, Бэрр остался верен обещанию поддержать Джефферсона и отказаться от дальнейшего состязания с ним. Даже когда его дочь Теодосия попыталась склонить его к сотрудничеству в избирательной кампании с федералистами, он отказался, сказав: “Дитя, я дал слово Джефферсону”. Отрицательные стороны Бэрра не обойдены в романе вниманием, однако недостатки героя поданы писателем таким образом, что вызывают сочувствие читателей. Даже мексиканская авантюра, окончившаяся для него столь плачевно, представлена в выгодном для Бэрра свете.

Что же касается других отцов-основателей американской демократии, они, по Г. Видалу, не были последовательными демократами, и политическая идеология американского Просвещения колебалась между страхом перед властью “черни” и страхом перед монархией и тоталитаризмом.

Линкольн, признававший в речах право народа выбирать правительство, воспротивился отделению южных штатов. Джефферсон, выступавший против рабства, не освобождал собственных рабов безвозмездно. “Провозгласив неотъемлемые права человека для всех, кроме рабов, индейцев, женщин и неимущих, Джефферсон пытался силой захватить обе Флориды и мечтал завоевать Кубу, а когда незаконно купил Луизиану, то направил губернатора в Новый Орлеан против воли его жителей”.^{xv} Но из романа очевидно и то, что не все расхождения между идеями и поступками героев обусловлены их беспринципностью, жадной властью и лицемерием. Они существовали и действовали в определенных исторических обстоятельствах, имевших свою логику и закономерность. Они вынуждены были подчиняться этим обстоятельствам, ибо свобода политических действий гораздо ограниченнее свободы политических теорий и лозунгов. “Вы не будете очень высокого мнения о человеке, который сегодня не мудрее, чем вчера”,^{xvi} – под этой мыслью Линкольна могли бы подписаться многие деятели Американской республики.

Герои “Бэрра” – это яркие личности, типично американские характеры, равнодушные к славе и почестям, энергичные, предприимчивые и целеустремленные. Тем не менее, именно в них Видал ищет истоки пороков американской демократии в последующие столетия. Смена многогранной, красочной личности личностью одномерной и упрощенной (противопоставление Бэрра и Ч. Скайлера) очевидна. Подтекст романа позволяет провести параллели между веками XVIII-XIX и XX: воззрения разных эпох взаимодействуют друг с другом, как и сами эпохи. Роман Г. Видала “Бэрр” отличается от традиционного исторического романа тем, что не подтверждает, а опровергает героическую версию американского прошлого.

Изображение празднования 100-летия республики в 1876 году становится поводом для создания в романе “1876” широкой панорамы политических и общественных нравов, и ныне царящих в США. Присутствуя на праздничных торжествах в Нью-Йорке, герой романа Чарльз Скайлер становится свидетелем всё углубляющегося кризиса морали, все усиливающегося распада “республиканизма”.

В центре романа находятся события президентской предвыборной кампании в юбилейный год США. Уже знакомый читателям Ч. Скайлер ради денег и обещанного места посла во Франции принимает активное участие в предвыборной кампании. Постаревший Ч. Скайлер вместе с дочерью Эммой возвращается на родину после долгих лет жизни в Европе. Он заново открывает для себя Новый Свет, и открытия эти безрадостны. Вновь окунувшись в гущу политических событий, он видит свою страну сильным, уродливым, клокочущим миром, посвятившим себя “заколачиванию денег любой ценой”.^{xvii} Сюжет романа автор строит на политической интриге – высшие круги Вашингтона опять-таки изображены в крайне неприглядном свете: продажность, падение нравов, взяточничество, спекуляция, невежество, лицемерие. История, по Видалу, – набор грубых материальных фактов, смешение случайностей, а политика обходится и без идей, и без морали; демократия же служит игрушкой в руках финансовых воротил, которые, видимо, устраивают и обывателя, также стремящегося к власти и деньгам, который “терпеть не может реформ, порядочности на правительственных постах и воинствующей честности”. Всяческие идеалы прошлого отброшены напрочь, а побудительные мотивы поступков героев – жажда богатства и власти. Даже любовная история дочери Скайлера Эммы построена на предательстве и преступлении. Царит хищническая атмосфера, заполняющая все сферы жизни, поглощающая человека и подчиняющая его своим законам.

Образ легендарного Авраама Линкольна, символа революционных традиций американского народа, раскрыт Гором Видалом в четвертом романе американской хроники “Линкольн”. К образу Линкольна не раз обращались американские писатели – и современники президента, и потомки; его изображали и как “героя”, и как “злодея” исторической драмы, утвердившегося в народном сознании в качестве президента-освободителя, отменившего рабство. Этот в целом исторически обоснованный образ оказался с течением времени предельно идеализирован и связан с упрощенным представлением о “честном Эйбе-лесорубе”, родившемся в бревенчатой хижине и ставшем хозяином Белого дома. Г. Видал подвергает критике миф, продолжая тем самым политическую направленность предыдущих романов.

Очевидно серьезное и уважительное отношение писателя к своему главному герою. Линкольн в американской истории был одной из самых светлых и привлекательных политических фигур. Он пренебрегал личными амбициями ради государственных интересов, ему присущи трезвый ум, упорство в достижении поставленных целей, умение считаться с обстоятельствами. Видаловский Линкольн склонен к фатализму и верит в существование объективных законов, управляющих событиями, причем без налета религиозного мистицизма, он – гибкий политик, сумевший сохранить единство американской нации на драматическом повороте ее развития. Линкольн – сильная личность с твердыми убеждениями, способная управлять событиями, но в то же время он является исполнителем воли истории.

Вопросы истории и политики очень тесно переплетены здесь, ибо история, по Г. Видалу, прочитывается как результат политических интриг, борьбы за власть, а стремление к власти – это одна из основных движущих сил истории, заложенная в человеческой природе. В итоге американскую хронику Гора Видала можно рассматривать и как историю американской политической системы, которую писатель пытается изобразить максимально достоверно. “Я за достоверную историю. Конечно, ничто никогда не бывает абсолютно достоверно, однако нужно сделать всё, что в наших силах, и воссоздать прошлое таким, каким оно было – даже если это постыдное прошлое, – для того чтобы понять настоящее”,^{xviii} – подчеркивал писатель в одном из своих интервью. Гор Видал смотрит на мир глазами политика, и для него история Америки – это фактически история ее политики, а параллели писателя между настоящим и прошлым очень близки.

Понимание настоящего, осмысление прошлого и предвосхищение будущего всегда имеют конкретно-исторический и национальный характер. Это – концепция социального времени. Различные ситуации, изображенные американским писателем на пестром историческом материале разных стран и эпох, обретают сегодня особую роль именно в контексте отечественной истории. Мучительное переживание разрыва со старым, вхождение в мир новых ценностей и принципов, поиски надежной духовной опоры в период непрерывно совершающихся катастрофических перемен, ситуация выбора между старой и новой правдой – все это в значительной степени было и остается до сих пор частью наличного внутреннего опыта нашего соотечественника.

ⁱ Соловьев В. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – С.4.

ⁱⁱ Там же. – С.4.

ⁱⁱⁱ Там же. – С.6.

^{iv} Видал Г. Юлиан: роман. - СПб: Гуманитарное агентство. – 1994. – С. 505

-
- v Там же. – С.13.
- vi “Time”, N.Y., 1964, June 12
- vii Видал, Гор. Вашингтон, округ Колумбия: роман // Демократия. - М.: Политиздат. - 1986. - С. 326.
- viii Там же. – С.498.
- ix Там же. – С.498.
- x Там же, с. 397
- xi Nolan Ch.J. Aaron Burr and the American literary imagination. - Lnd.: Greenwood Press. –1980. – P.210.
- xii Там же. – С.157.
- xiii Видал, Гор. Вашингтон, округ Колумбия. – С.349.
- xiv Видал, Гор. Вице-президент Бэрр: роман
- xv Nolan Ch.J. Aaron Burr and the American literary imagination. – P.146.
- xvi Vidal G. The Second American Revolution & other essays (1976-1982). – N.Y. – 1982. – P.276.
- xvii Видал Г. 1876 : роман. – М,1986.
- xviii Американский писатель [Гор Видал] отвечает на вопросы “Нового времени”.// Новое время. – М.,1987. – №42. – С.32.